

УДК 002.2(=161.1)(=512.31)+271.22-87(571.53/.55)
ББК 76.103(2)(=411.2)(=642)+86.372.81(253.57)

СЕМЕЙНАЯ КНИГА И ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

© А. А. Базаров, С. В. Бураева, 2015

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6*

На основе полевых археографических исследований рассматривается книжная культура старообрядцев и бурят-буддистов Забайкалья. Выдвигается идея, что в данных книжных культурах наличествует единство в социально-культурной типологии, несмотря на их генетическую разность. Особая роль в единстве книжных культур двух народов, проживающих на одной территории, уделена семейной книге.

Ключевые слова: книжно-рукописная традиция, старообрядцы, буряты-буддисты, Забайкалье, семейная книга.

The paper deals with the archaeographic research of the book tradition of the Russian Old Believers and Buryat Buddhists in Transbaikalia. The idea is suggested, that there is the unity of the social-cultural typology in these book cultures despite their genetic difference. The «family book» phenomenon plays a special role in the unity of the book cultures of these two ethnic groups living at the same territory.

Keywords: book-manuscript tradition, Russian Old Believers, Buryat Buddhists, Transbaikalia, family book.

Проблемам формирования единой российской идентичности уделяется в последние годы особое внимание. В этой связи особую роль начинает играть определение локальных (региональных) идентичностей, во взаимодействии с которыми будет оформляться идентичность общероссийская.

В Забайкалье наиболее устойчивой формой идентичности, обычно характеризующейся как традиционность, обладают русские старообрядцы и буряты-буддисты. Важный компонент традиционной культуры Забайкалья – книжно-рукописная традиция (КРТ), тесно связанная с религиозными представлениями и знаниями.

Культура и старообрядцев и буддистов опиралась на книжность и семейственность. Забайкальских старообрядцев, например, уже с XIX в. называют семейскими. В результате мы сталкиваемся с уникальным культурным явлением в Сибири – семейной книгой. Семейная книга обладает своими характерными историческими и антропологическими чертами. Опираясь на методiku «социальной археографии» [1], рассматривая в рамках компаративистики две генетически разные книжные культуры – буддийскую и старообрядческую, можно осуществить реконструкцию вышеуказанного явления.

Мы опираемся на полевые исследования, проведенные в Бурятии и Забайкальском крае¹. В те-

чение 2012–2013 гг. состоялись две комплексные археографические экспедиции, целью которых было проследить изменения, происходящие с традиционной книжностью двух народов, живущих совместно в одном регионе на протяжении нескольких столетий. Поскольку социальную реальность определяет повседневная жизнь ординарных людей, экспедиционное исследование проводилось по трем основным направлениям:

- книжный репертуар обычного человека в повседневности,
- книжная культовая практика и сохранение традиции,
- социальный облик хранителя книжных коллекций.

Основной тезис, сформированный в результате экспедиционных исследований: в изучаемых книжных культурах наличествует единство в социально-культурной типологии, несмотря на их генетическую разность.

Единство в периодизации развития

Становление и развитие КРТ и корпуса книжных памятников в Забайкалье проходило в контексте

точных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН проводятся десятилетиями, именно в контексте историко-сравнительного и антропологического анализов двух баз данных проведены впервые.

¹ Хотя полевые археографические исследования на базе буддийского и старообрядческого материала в Центре вос-

социокультурного и политического развития Российского государства. Процесс формирования и складывания этого комплекса определялся не только его внутренними потребностями, но и во многом зависел от политики, проводимой центральными и местными властями, позиции Русской православной церкви, достижений технического прогресса и т. д.

Основные периоды развития КРТ: 1) XVIII – третья четверть XIX в. – этап становления и развития; 2) последняя четверть XIX – начало XX в. – этап расцвета; 3) 20-е гг. XX – начало XXI в. – этап деструктивных процессов и редуцирования.

Первый период связан с XVIII и XIX вв. – начальным этапом развития специфичных черт местной книжной культуры. Книжная культура ординарного бурята-буддиста – неотъемлемая часть общей буддийской культуры Бурятии. Начало системной организации бурятского буддизма обычно относят к первой четверти XVIII в. н. э.² Затем, приблизительно полтора столетия, бурятский буддизм в рамках государственной политики Российской империи складывался как иерархичная, частично автокефальная (от тибето-монгольского буддизма), территориально разветвленная, монастырская система. Данный процесс был завершён только к середине XIX в.³

Обращаясь к проблемам исторической реконструкции книжной культуры ординарного бурята-буддиста, подчеркнем, что наиболее ценный материал в этой области представляет информация о буддийском печатном деле региона. Первые упоминания о буддийских ксилографических изданиях бурят относят к 20–30 гг. XIX в.⁴ В последующие периоды, особенно с конца 60-х гг. XIX в., книгоиздательское дело в дацанах быстро набирало темпы. В официальных источниках первые сведения о книгопечатании в бурятских дацанах появились намного позже, когда было уже хорошо налажено книгопечатание во многих монастырях Бурятии.

Так, например, в 1877 г. селенгинский епископ Мартиниан доложил в полицию о деятельности типографии Цугольского дацана. В ходе полицейского следствия в монастыре обнаружили более тысячи деревянных печатных досок-матриц (баров) с тибетскими и монгольскими текстами. В результате типографию Цугольского дацана немедленно опе-

чатали, а ширетую (настоятельно) объявили выговор. Позднее, в 1880 г. книгопечатание не ограничивалось и производилось уже во многих официально разрешенных монастырских типографиях [5].

Начало местного оформления КРТ старообрядцев Забайкалья можно отнести к XVIII в., когда большие группы русских старообрядцев (семейских) появились в Забайкалье⁵. Несмотря на переселенческую (репрессивную) политику в 60–90-е гг. XVIII в. очевидна либерализация законов в отношении староверов. Начало ей положено в правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.), продолжено в недолгое царствование Петра III (1761–1762 гг.), но наиболее ярко религиозная терпимость проявилась в законодательстве Екатерины II (1762–1796 гг.).

Период с правления Екатерины II до вступления на престол Николая I считается «если не золотым, то серебряным веком в истории русского раскола» [6, с. 368]. Это сказалось на местной КРТ. Внутриконтинентальное разнообразие переселенцев повлекло полифоничность бытующих на тот период в старообрядческой среде как рукописных, так и типографских изданий.

Известны существенные отличия в типе чтения поповцев и беспоповцев. Собственный подход к отбору книг формируется в этих направлениях в начале XVIII в. В Забайкалье уже начальная стадия формирования КРТ характеризуется значительным взаимодействием рукописной и печатной книги. Книжно-рукописная традиция староверов развивалась на фоне активного пользования старообрядцами типографскими изданиями. Наиболее ранние старопечатные книги, обнаруженные в Забайкалье, относятся к XVI в. – виленские издания Петра Мстиславца и Мамоничей «Псалтырь» (1594 г.), «Евангелие» (1575 г.), «Апостол» (1592 г.), «Евангелие учительное» (1595 г.). Белорусское издание «Полуустав (Молитвы повседневные)» датируется 20–30-ми гг. XVII в. В конце XVII в. в г. Могилеве – «Диоптра, или Душезрительное зеркало» Филиппа Монотропа Пустынника (1698 г.) и «Перло многоценное» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого (1699 г.).

Широкая представленность изданий старообрядческих легальных и полуполиграфических типографий конца XVIII – начала XIX в. указывает на то, что еще не были утрачены связи с западными районами Российской империи.

² Традиционно указывают на «Инструкцию пограничным дозорщикам» 1728 г. Саввы Владиславовича, графа Рагузинского, а также упоминается появление в 1712 г. в Забайкалье 150 лам, исторический факт из «Летописи хоринских бурят» Вандана Юмсунова [2, 7].

³ «Положения 1853 г.» генерала-губернатора Н. Н. Муравьева (графа Амурского) в определенной степени подытоживают результаты данного процесса [2, 7].

⁴ Результаты работы экспедиции П. Л. Шиллинга, описания А. Г. Сазыкина и др. [5].

⁵ Семейские были переселены в Забайкалье из Ветки, ныне города Гомельской области Белоруссии, во времена раскола находившегося на территории Речи Посполитой у границ России. Первый разгром Ветки произошел в 1735 г. – 40 тыс. человек были переселены в Восточную Сибирь и Забайкалье, так называемый Первый выгон. В 1765 г. – второе выселение, а позднее и третье. Последняя партия старообрядцев доставлена в Забайкалье в 1795 г.

Несмотря на технические новшества и большое количество печатных изданий, бытовавших в регионе, собственно рукописная традиция продолжала развиваться. Местные старообрядцы не только стремились придать переписываемым рукописям внешнее сходство с печатными, но и стали называть рукописные сборники книгами, стремясь уравнивать их в глазах читателей с официальными изданиями. Книги переписывались не только профессиональными писцами (в том числе и на заказ), но и самими читателями, что повлекло большое количество неискренних, часто написанных примитивным полууставом рукописей.

В первом периоде (XVIII – третья четверть XIX в.) создавались в основном рукописи «служебного» характера для общественного и частного богослужения. Принципиально ситуация не изменилась и в последующие десятилетия, вплоть до 90-х гг. XIX в., хотя преобладание богослужебных рукописных книг стало не таким явным. Репертуар рукописных памятников четко отражал предпочтения, характерные для доминирующего на территории Забайкалья поповского направления в старообрядчестве. Появление на исследуемой территории многочисленных локальных толков фактически не отразилось на региональном репертуаре старообрядческой литературы и не вызвало появления «местных» произведений. Это объясняется, на наш взгляд, кратковременностью существования новых направлений, распыленностью и малочисленностью их приверженцев.

Второй этап (последняя четверть XIX – начало XX в.) характеризуется расцветом книжной культуры буддистов Бурятии. Именно в это время благодаря мощной издательской деятельности монастырских типографий⁶ издаются тысячи томов произведений на тибетском и старомонгольском языках. Местные авторы создают оригинальные произведения в различных областях буддийского знания: ритуал, астрология, медицина, философия, филология и др. Вероятно, именно в этот период в буддийской среде Бурятии формируется культурное явление «семейная книга». Явление характеризуется культом книги среди ординарных буддистов – стремлением каждой семьи создать собственную книжную коллекцию буддийских текстов и обучить грамоте одного и более из своих представителей для чтения и трансляции данных текстов. Именно тогда сформировался основной репертуар чтения местного ординарного человека.

⁶ Согласно списку хамбо-ламы Дампил Гомбоева, представленному Э. Ухтомскому, который ревизовал в 1887 г. бурятские дацаны, значилось, что из 34 дацанов 29 имели свои печатни. В этот период в печатных дворах монастырей издавалось 600 экз. книг с различными наименованиями. С каждым годом количество наименований увеличивалось.

Второй этап развития КРТ забайкальских старообрядцев датируется нами концом XIX – первой четвертью XX в. Это время качественных изменений в местной старообрядческой КРТ. Резко увеличилось количество печатных изданий. Широкое распространение получают гектографы, создание которых начали осваивать в конце предыдущего этапа в центральных районах России и на Урале.

Из Подмосковья в 80-х гг. XIX в. стали приезжать писцы. После постройки Транссиба в большом количестве появляются рукописи, сделанные уже в Гуслицах (и других центрах и мастерских) на заказ. Возможно, именно эти факторы в комплексе повлияли на то, что местная рукописная школа в Забайкалье так и не сложилась, несмотря на период наибольшего благоприятствования.

Особенностью корпуса рукописных памятников второго этапа, несомненно, можно назвать образование значительного сегмента рукописных памятников «белокриницкого» направления, в большинстве своем – полемического или историко-полемического характера. Это объясняется заметной активизацией деятельности данного старообрядческого направления в Забайкалье в последней четверти XIX – начале XX в.

Третий период (20-е гг. XX – начало XXI в.) – время деструктивных процессов и редуцирования. В ходе антирелигиозной борьбы, которая началась в середине 20-х гг. XX в., советские органы фактически истребили буддийскую книжность: монастырские библиотеки уничтожались, священнослужители подвергались репрессиям (расстрел, заключение, ссылка), типографское дело было закрыто (уже начиная с 1923 г. книги в дацанах не издавались). В 1937 г. бурятское письмо было переведено со старомонгольской графики на кириллическую [4].

Если с монастырской книжностью органы расправились в период 20–30-х гг. XX в., то с книжностью семейной бороться было сложнее. Тем не менее именно в период 20–30-х гг. население под страхом репрессий в массовости избавлялось от буддийской литературы⁷.

Обращаясь к культуре старообрядцев, отметим, что в 20-е гг. XX в. новая власть вначале расправилась с Русской православной церковью. В это время старообрядцы еще продолжали открыто проводить богослужения в сохранившихся церквях и часовнях, активно пользовались имевшимися книгами и рукописями, создавали новые, обучали грамоте подрастающее поколение. В 1930-е гг. ситуация

⁷ В ходе полевых исследований зафиксированы многочисленные рассказы о способах избавления от буддийской литературы в 20–30-х гг. XX в. Они в основном связаны с религиозными представлениями населения. Книги привязывали к березе (священному дереву) в лесу, оставляли возле источников, прятали в горах (под охрану хозяев воды, гор), сжигали вместе с убитыми хозяевами.

кардинально меняется. К концу третьего десятилетия XX в. были уничтожены и закрыты все старообрядческие храмы Забайкалья, подвергнуты преследованиям служители культа (как священники, так и уставщики) и наиболее активные деятели старообрядческих общин. Действия советских властей редуцировали (прервали) межпоколенную трансляцию КРТ старообрядцев региона. Большинство старообрядческих книг и рукописей в годы репрессий и гонений были спрятаны или уничтожены различными способами и тем самым надолго (или навсегда) выведены из повседневного пользования.

В разных районах Забайкалья информанты рассказывали о том, как в эти годы деревенские старики прятали книги «в скалах» – пещерах, закапывали в лесу, огородах, дворе, сжигали, топили в проруби, скрывали в подполье. В последующие годы в Забайкалье нередкими стали похороны уставщиков вместе с принадлежавшими им книгами. Эта традиция сохранилась в некоторых селах и в настоящее время⁸.

Последующие годы характеризуются угасанием КРТ. Разрушается механизм межпоколенной передачи основополагающих догматических и нравственно-этических представлений старообрядчества об окружающем мире, миропорядке и месте человека в этом мире. Репрессии по отношению к хранителям памятников старообрядческой письменности, уничтожение книг и рукописей, тотальная «атеизация» всей жизни старообрядческих сел Забайкалья привели к тому, что с середины XX в. изменился характер формирования старообрядческих книжных собраний.

Библиотеки немногочисленных современных уставщиков формировались, как правило, из литературы, передаваемой хранителю жителями одного населенного пункта после смерти прежних владельцев. На наш взгляд, к концу XX в. это привело к тому, что библиотеки отражали уже не личные интересы и предпочтения владельца, а репертуар сохранившейся к этому времени литературы в определенной местности.

Отметим двоякость борьбы с КРТ в культуре народов Забайкалья. Репрессия одного вида культуры сопровождалась развитием другой – светской и европоцентристской. Социалистический эксперимент по замещению предшествующей культуры новыми европоцентристскими просветительскими явлениями особо болезненно повлиял на так называемые восточные, религиозно-ориентированные культуры. Советское руководство, исходя из собственных идеологических позиций, принципов клас-

совой борьбы и т. п., осуществило именно революционный, во многом трагичный вариант развития культуры.

Обособленность, консерватизм, подавление официальным православием и госцензурой

Обращаясь к другому историческому аспекту в формировании книжности бурят-буддистов и старообрядцев, а именно, их социально-политическому положению в Российской империи, необходимо проанализировать истоки устойчивости их КРТ.

Буддисты в Российской империи, которая формировалась как оплот официального православного христианства, строили свою общину в весьма сложных условиях. Они прекрасно осознавали свое маргинальное положение в стране, свою культурную инаковость и чуждость основному направлению религиозного развития. В ходе перманентных миссионерских попыток православной церкви обратить бурятское население в христианство, буряты-буддисты приобрели устойчивое самосознание относительно своей стойкости и исключительности⁹.

Правительственная политика, исходящая из собственных интересов, не всегда поддерживала миссионерскую деятельность православной церкви, но подразумевала постоянный государственный (репрессивный) контроль и цензуру¹⁰. В этих условиях ординарное буддийское население рассматривает буддийскую литературу на тибетском и старомонгольском языках как основу своей этнической идентичности. Вероятно, этот фактор, когда вопрос о бурятской идентичности в конце XIX в. стал острым, повлиял на массовое распространение буддийских текстов.

Все исследователи старообрядческой культуры Забайкалья в XIX в. (Н. Н. Бурлаков, П. А. Ровинский, А. Е. Розен, А. М. Селищев, А. М. Станиловский) отмечают исключительность ее представителей в социальной, хозяйственной и религиозной жизни. Также отмечается особое отношение в государстве к их культуре. П. А. Ровинский в своей статье «Этнографические исследования в Забайкальской области» пишет: «Вследствие особенного религиозного толка, толка в сущности безвредного для общественного порядка и непротивного основным правилам церкви, они поставлены вне закона, терпят ограничения в правах и частью находятся под преследованием. Семейский не может быть избран в волостные старшины, хотя бы большинство

⁹ Интервью с Лодой-ламой в с. Цугол Забайкальского края (2002 г.).

¹⁰ В архивных материалах зафиксированы многочисленные случаи запретов на издательскую деятельность буддийских монастырей, ограничения ввоза монгольскоязычной и тибетоязычной литературы на территорию Российской империи и т. п. [5].

⁸ Информанты Республики Бурятия – Виктор Филиппович Иванов, Фекла Карповна Мартынова (с. Хасурга, Хоринский район), Елена Степановна Павлуцкая (с. Шаралдай, Мухоршибирский район), Иван Николаевич Яковлев (с. Михайловка, Кижингинский район).

населения было семейским. Семейские не имеют право на публичное отправление своего богослужения: их часовни заперты, колокола и кресты сняты, а иные обращены в единоверческие. Они не имеют права иметь священника по своей воле, должны приобретать его тайно, что сопряжено с громадными издержками и затруднениями, а, добывши, должны держать его в скрытности, что чрезвычайно тяжело, как для них, так и для него. Наконец, к ним определяют миссионеров, которые относятся к ним также как к инородцам шаманской или буддийской веры» [8]. В перманентной борьбе за идентичность старообрядцы выработали трепетное отношение к своим книгам, как основе своей исключительности. Так, еще в XIX в. Н. В. Ушаров отмечал: «Как зеницу ока хранят и стерегут старообрядцы свои книги не только от потери, но даже от малейшего повреждения. Раскрыть книгу лишней нужной раз составляет для старообрядца истинное мучение» [6, с. 322].

Что касается общности старообрядческой и буддийской книжности Забайкалья в области их консерватизма, отметим ярко выраженный изначальный эсхатологический аспект данных книжных культур. Если относительно старообрядческого консервативного эсхатологического аспекта культуры написано достаточно много, то о буддийском – информации практически нет. В этой связи укажем на генезис книжной культуры центральноазиатского буддизма (из которой происходит бурятская). Формироваться он начал в тибетском средневековом обществе в VII–XIII вв. Мы предполагаем, что наибольшее влияние на развитие данной книжной культуры оказал процесс постепенного исхода буддизма из Южной Азии в Центральную Азию под непосредственным давлением брахманизма и ислама. Массовое уничтожение буддийской книжности, основанной на санскрите¹¹, и эсхатологический космогонизм базовых тантрических культов северного буддизма (Калачакра) предопределили книжный собирательный консерватизм тибетцев, монголов и бурят, наиболее ярко выраженный в феномене канонических сборников Ганжур и Данжур.

Собрать и сохранить «истинные книги» – эти две функции определяли и определяют феномен буддийской книжности Центральной Азии. Большая часть Канона не используется, а только хранится. Охранительно-консервирующее действие в тибетском обществе получило статус сакрального и дало толчок к многочисленным другим действиям: переводу, отбору, собиранию, систематизации, тиражированию, поклонению, формированию лучшей кармы.

¹¹ Общеизвестный исторический факт, что южный буддизм (Шри Ланка, Бирма, Таиланд, Кампучия, Южный Вьетнам) исходит из текстов на языке пали, а северный буддизм – из текстов на санскрите.

Бурятская форма сакрализации книжного наследия помимо общих для центральноазиатской культуры парадигм строится на трех дополнительных социально-психологических основаниях. Осознание себя форпостом буддийской книжности в мире иной – русской (религиозной и светской) – книжности, перманентное преодоление не книжности собственного добуддийского мировоззрения¹² и переживание своей отдаленности от центров центральноазиатского буддизма.

В 20–30-х гг. прошлого столетия обе книжные культуры подверглись тотальному уничтожению. Тем не менее долгий опыт борьбы за сохранение идентичности позволил им функционировать в определенной целостности еще около полувека, вплоть до 1980-х гг.

В настоящее время с уходом последних носителей традиций и глобальными изменениями социальной и культурных областей семейная книжная культура бурят и старообрядцев постепенно исчезает, уступая место монастырским и храмовым собраниям.

Семейная книга как источник типологической общности

Семейная книга – это своеобразное культурное явление, уходящее корнями в средневековую культуру и характеризующееся:

- наличием книжных коллекций религиозного содержания практически в каждой семье ординарного человека (крестьян и скотоводов);
- практикой ежедневного чтения и обучением начальной грамотности в кругу семьи.

Благодаря семейной книге уровень грамотности и цельности мировоззрения внутри культур старообрядцев Забайкалья и бурят-буддистов был гораздо выше в XIX в., чем в среднем по стране.

Домашние библиотеки – неотъемлемая часть регионального историко-культурного наследия, связанная с религиозными представлениями. В большинстве своем владельцами домашних библиотек в забайкальском регионе являются представители сельского населения. В формировании этих собраний участвовали члены социума различного статуса и возраста. Истоки данного явления необходимо искать не только в особенности книжной культуры средневековья, но и в тех социальных особенностях, в которых она формировалась.

Семья, родственные связи всегда имели важное значение в бурятском обществе. Первоначальный

¹² Добуддийское религиозное сознание бурят отталкивалось от идеи священности произнесенного слова, поэтому тексты передавались друг другу устно, по памяти. Требовалось запоминать звучание текста. Книжность как форма ретрансляции не могла передать весь диапазон «звучащего знания».

трайбализм бурят был не только сохранен царским правительством, но и закреплён рядом указов. Немалую роль сыграло и фактическое вытеснение основной массы бурят (инородцев по статусу) из государственного строительства в Российской империи. В результате социальная активность бурят была направлена в основном на семью. Зачастую культ книги переплетён с культом семьи¹³.

Институт семьи старообрядцев Забайкалья отличался особой устойчивостью и традиционностью. Книжность всегда была частью данного института. Книжки и рукописи в семьях старообрядцев в Забайкалье XIX в. не были редкостью, чаще всего они передавались по наследству – от отцов детям. Многочисленные записи на полях, переплетах книг являются важным материалом для понимания социальной стороны книжной культуры.

В этих записях можно обнаружить подробности биографии владельца, сведения о хозяйственной жизни, а также довольно частые записи о родственниках владельцев книг. Чаще всего речь идет о «Помяннике» или списке с указанием имен родственников и дат, с ними связанных (дни смерти, рождения и т. п.).

В записях об отдельных родственниках возможны различные подробности: «11 октября баба Кузеха именинница», «1942 года убит на войне 24 января Павлуцкий Фиефын Григоривич. На память Нам осталась Его фото карточка навечную вечную память спит Мой дарагой брат Феофан», «1959 год 17 ноября умер брат Даниил Федорович в Дерманий прожил в дерманий 45 годов, А всего прожил на свети 66 лет»¹⁴, «1797 году месецца сентебря 27 дня васкресения поутру к заутрени ... родился сын Алексей в Шацком...»¹⁵ (Орфография и пунктуация оригинала сохранены. – Прим. авт.).

Что касается ординарных бурят-буддистов, следует указать на материал, выявленный в ходе изучения социальной значимости наиболее распространенных текстов в среде обычных буддистов Забайкалья. Наиболее распространенный текст у местных мирян буддистов – Суварнапрабхасоттамасутра (Серод, Алтангэрэл). Сутру можно найти в семьях на тибетском, старомонгольском, бурятском языках. Также разнообразны места публикации ксилографических изданий (Тибет, Китай, Монголия и Бурятия), встречаются местные рукописи. Большинство респондентов осознают важность повседневного нахождения данного текста в их доме. Подчеркивают, что хранение и почитание книги способствует не

только процветанию буддийского учения, но и материальному благополучию семьи, хорошим переживаниям, защите родовой территории от нападений и достижению высокого социального статуса представителей рода.

Вторая по популярности книга среди мирян буддистов Бурятии – Панчаракша (Банзаракша). Данное сочинение состоит из пяти канонических текстов: Махасахасрапрамардананамасутра, Махамайюривидьяраджни, Махамапратисаравидьяраджни, Махаситаванасутра, Махамантранудхарисутра. Ксилографы (в двух вариантах на тибетском и старомонгольском языках) изданы как и предыдущий текст в самых разных местах, встречаются рукописи. Повседневная значимость книги определяется респондентами как средство защиты от различных опасностей и опора благополучия несовершеннолетних в семье.

Следующие значимые тексты – сборник Аштасахасрика-праджняпарамита (8 тысяч шлок, Джадомба) и Ваджрчакхедика-праджняпарамита (Доржо жодбо). Оба текста найдены в 15 случаях (здесь и далее речь об обнаружении текста в частных книжных коллекциях Забайкалья. – Прим. ред.). Ксилографы на двух языках (тибетском и старомонгольском) изданы в Китае, Тибете, Монголии и Бурятии. Доржо жодбозачастую встречается в рукописном варианте (на черной лаковой бумаге, золотыми или серебряными минеральными красками). Рукописная Джадомба была найдена всего раз.

Оба сочинения Джадомба и Доржо жодбо в отличие от предшествующих сочинений, относящихся к разделу Тантр в Ганжуре, входят в раздел Праджняпарамита. Респонденты отмечают целый ряд благоприятных последствий хранения данных книг: улучшение микроклимата в семье (предупреждение ссор и конфликтов), очищение сознания от плохих побуждений и мыслей, достижение внутреннего равновесия, спокойствия и удовлетворения, успех в любой работе, перерождение в более благоприятных сферах.

Кроме вышеуказанных сочинений особую популярность имеют тексты Манджушринамасамгити (7 примеров) и Улигер-ун далай («Море притч», 3 примера). Эти тексты были ксилографами на старомонгольской графике. Текст Улигер-ун далай читается детям в качестве колыбельной для их будущего благополучия. Все вышеуказанные тексты относятся к буддийской канонической литературе.

Служебной литературой можно считать: сборник Зундуй (данный текст в коллекциях встречается на тибетском и старомонгольском языках), Этигел (тиб. Skyabs 'gro sems bskyed), Найман геген (тиб. Snang brgyad). Данные тексты встречаются исключительно на старомонгольском и служат решению семейных проблем в рамках буддийских мировоззренческих догматов.

¹³ Основные мотивы для ежедневного ритуального чтения религиозных книг у бурят связаны с процветанием семьи, поддержкой членов семьи.

¹⁴ Коллекция Этнографического музея народов Забайкалья.

¹⁵ Повесть о успении, Национальная библиотека Респубрики Бурятия.

В ходе экспедиций отмечен рост в коллекциях буддийской литературы современных изданий самого разнообразного содержания (ритуальные, религиозно-философские, медицинские и астрологические). Подчеркнем, что три буддийские организации на территории Бурятии издают основной массив данной конфессиональной литературы: Традиционная буддийская сангха России, общество «Зеленая тара» Тинлэй багши и буддийская организация, духовным лидером которой является Елой-римбуши. Помимо местных изданий в коллекциях встречаются современные, выполненные в Китае и Монголии.

Состав современных домашних библиотек старообрядцев региона, несомненно, редуцирован. Идет процесс обретения нового культурно-религиозного облика. Нивелируется разница между поповскими и беспоповскими библиотеками.

В Забайкалье все больше «старых» книг и рукописей находится у родственников умерших владельцев литературы в качестве «памяти» о них. Это, как правило, одна-две, реже три-четыре книги, выбранные безо всякого принципа. Данное обстоятельство нуждается во фронтальном обследовании большинства сельских районов Бурятии. Книга в таких «библиотеках» становится скорее мемориальным, иногда сакральным предметом, полностью утрачивая обучающую функцию.

* * *

Подчеркнем, что вокруг книги и семьи несколько столетий строилась забайкальская идентичность,

шло осознание себя и своего места в окружающем мире. Кардинальное изменение механизма передачи традиции, гендерное изменение состава и резкое уменьшение числа носителей традиции, тотальная утрата самих памятников письменности изменили вектор развития традиционной книжной культуры Забайкалья, приоритетом которого становится не религиозный, а национальный компонент.

Литература

1. Бахтина О. Н., Дутчак Е. Е., Керов В. В. «Егда чтем, Господь к нам беседует ...»: к вопросу об институализации социальной археографии // Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2006. – № 2. – С. 75–85.
2. Галданова Г. Р. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. – Новосибирск : Наука, 1983. – 240 с.
3. Петров Н. И. Раскол и единоверие с царствования Екатерины II до царствования Николая I // Труды Киевской духовной академии. – 1881. – № 8. – С. 367–390.
4. Синицын Ф. Л. Красная буря. Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. – СПб., 2013. – 544 с.
5. Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – начала XX в. – Улаанбаатар, 2006. – 221 с.
6. Ушаров Н. В. Заметки о забайкальских старообрядцах // Сборник газеты «Сибирь». – СПб., 1876. – Т. 1. – С. 313–333.
7. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России : (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ. – 2013. – 314 с.
8. Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия СО РГО. – Иркутск, 1872. – Т. 3, № 3. – С. 120–133.

Данное исследование проведено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Традиционная книжность ординарного человека Восточной Сибири и Монголии: социально-археографическое исследование»).

Материал поступил в редакцию 06.08.2014 г.

Сведения об авторах: Базаров Андрей Александрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов, тел.: (3012) 43-32-64, e-mail: bazarow_andr@mail.ru,
Бураева Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов, тел.: (3012) 43-32-64, e-mail: ladys@inbox.ru